

ству модель построения семьи, модель переживания житейских трудностей и реагирования на стресс.

Есть и более сложный вариант реакции ребенка на развод: чувство облегчения от прекращения той ситуации, которую приходилось переживать и наблюдать в последние время перед разводом, — пьяные загулы и драки, ссоры, оскорбления, побои и так далее. Если все это имело место, то ребенок, с одной стороны, даже радуется прекращению страданий, однако, с другой стороны, он всегда предпочел бы «маленькой, но спокойной семье» «большую и счастливую». Именно поэтому такие дети легче остальных принимают новых избранников своих родителей: им очень хочется семейного тепла, которого они толком и не видели, а еще им не приходится преодолевать неприязнь к новому папе, так как в сравнении с родным он, как правило, выигрывает.

И еще одно из частых последствий распада семьи — появление у ребенка страхов. Разрушение семьи — это одновременно и разрушение доверия к миру, угроза безопасности ребенка, поэтому в результате повышается общая тревожность, появляются мнительность, сомнения в том, любят ли его, нужен ли он кому-то. Все это — богатая питательная среда для всевозможных фобий: актуализируются и усиливаются нормальные возрастные страхи, переживаемые в легкой форме всеми детьми (страх чужих, страх темноты, страх сказочных персонажей, страх смерти), достигает максимума страх потери родителей. (Если папа уже исчез из жизни ребенка, малышка может преследовать опасение, что и с мамой что-то случится: ведь мир, как выяснилось, нестабилен, непредсказуем и в любой момент может нанести удар.) Могут появиться и какие-то специфические страхи: к примеру, если в результате развода мама попала в больницу — появляется страх перед докторами; если недавние родные сказали, что папа больше никогда не появится, так как разбился на машине или на самолете, — возникнут страхи «транспортные».

Но главный страх, довлеющий над ребенком, — перед неизвестностью будущего, перед туманными перспективами дальнейшей жизни и вообще, и в связи с вполне конкретными вопро-

ми вроде: где жить и на что жить (если сын или дочь уже настолько взрослые, чтобы вникать и в финансовые аспекты).

Как бы ни реагировал ребенок на родительский развод, ему приходится выбирать какую-то модель поведения, чтобы приспособиться к происходящему. Общая цель любой из выбранных линий поведения — вернуть все обратно, сплотить родителей, отвлечь их от ссор. Для этого арсенал приемов широк.

• Тактика «мышки-норушки»: ребенок становится тих и незаметен, очень послушен, старается ничем не раздражать родителей и вообще избегает любого «лишнего» общения. Тем самым ребенок хочет предоставить папе и маме как можно больше времени друг для друга, чтобы они смогли разобраться в своих проблемах. А еще так проявляется застенное чувство вины: «Наверное, это все из-за меня!» Если не обратить на это внимание и не поддерживать ребенка, развалившийся все же брак родителей только укрепит его в мыслях о своей виноватости или никчемности. И мысль «лучше бы меня не было» может поселиться в детской голове настолько крепко, что последствия могут быть необратимы. Так что такая тактика как потенциально наиболее опасная для ребенка требует повышенного родительского внимания.

• Противоположный вариант: притягивание к себе внимания при помощи болезней (обычно появляются энурез, тики, заикание, аллергические реакции и депрессии). Чаще всего дети болеют ненамеренно — nämlich скорее работа подсознания и других более тонких структур, которые через болезнь сына или дочери одновременно и пытаются отрезвить родителей, и отвлечь, и переклочить с разговора на сплоченность.

• Другой способ достижения тех же целей, но не в миноре, а в мажоре — тактика «стойкого оловянного солдатика». Эти дети ведут себя так, будто они взрослые родители, утешают, стараются помочь по хозяйству, изо всех сил стараются получше учиться и проявить себя в спортивных или предметных олимпиадах и конкурсах. Таким способом